

М. И. ЛАПИЦКИЙ

БОЛЬШОЙ БИЛЛ — УИЛЬЯМ ХЕЙВУД (1869—1928)

Уильяму Хейвуду принадлежит свое, особое место в истории рабочего и социалистического движения США конца XIX — первой четверти XX в. Он был, прежде всего, революционером-практиком. Его борьба с реформизмом и цеховщиной в рабочем движении, с правоцентристским блоком на левом фланге социалистического движения, деятельное участие в организации трудящихся в производственные профсоюзы, активнейшая роль в классовых битвах рабочих различных отраслей промышленности и районов страны оставили неизгладимый след в истории революционного движения в США, поставили имя Хейвуда в один ряд с именами выдающихся руководителей американского пролетариата.

Хейвуд являлся типично американским рабочим лидером, выходцем с Дальнего Запада, связь которого с национальной почвой была прочной и органичной. По складу своего характера, манере поведения, восприятию событий, стилю своих выступлений он был частью массового рабочего движения в США с его сильными и слабыми сторонами. Его главная слабость — отсутствие твердой теоретической основы. В его увлечениях, всегда искренних и страстных, было немало преходящего, наносного и случайного. Здравые размышления подчас подменялись эмоциями. Тем не менее он сумел многое сделать для американского рабочего движения. Активное участие в классовой борьбе, сама практика помогали Хейвуду находить правильные решения, занимать принципиально марксистскую позицию по многим внутренним и международным вопросам. Живая связь с массами всегда напоминала ему о главной цели борьбы — социализме.

ПОРА ЮНОСТИ И СТАНОВЛЕНИЯ

Родителям матери Хейвуда пришлось многое пережить, прежде чем они осели на земле, ставшей позднее штатом Юта. Мать Хейвуда родилась в Южной Африке и вместе со своей семьей совершила далекое путешествие от мыса Доброй Надежды до берегов Калифорнии. Манящая золотом Америка заставила их распродать все свое имущество, сесть на парусное судно и плыть долгие месяцы, не имея ни малейшего представления о том, что их ожидает в будущем. Морское путешествие было лишь частью их пути. Пожалуй, больше всего опасностей им предстояло пережить на дорогах Америки. Постоянно находясь под страхом болезней, несчастных случаев, нападений грабителей и диких зверей, путешественники преодолели 1800 миль на поезде, а затем совершили изнурительный переезд по бескрайним прериям в крытых фургонах, запряженных волами. Измученные дальней дорогой, они наконец решили обосноваться в небольшом, совсем недавно основанном религиозной сектой мормонов городке Солт-Лейк-Сити на берегу Великого соленого озера. Бабушка Хейвуда на сбереженные деньги открыла пансион, одним из постояльцев которого стал будущий отец Уильяма.

«Мой отец был американцем, и его отец был американцем, и отец деда был тоже американцем»¹, — говорил о своих предках по линии отца Хейвуд. Его отец — Уиль-

¹ «Testimony of William D. Haywood before the Industrial Relations Commission». Chicago, 1916, p. 17.

ям Дэдди происходил из Колумбуса (штат Огайо). Родные и двоюродные братья Уильяма-старшего участвовали в Гражданской войне: одни из них погибли, другие вернулись домой инвалидами. Уильям-старший, тогда еще мальчишка, был конным курьером. Он мчался через прерии от лагеря к лагерю на своем пони, доставляя почту от Сен-Джо в Миссури до Сан-Франциско на Тихоокеанском побережье. Из родного Огайо Уильям-старший перебрался в штат Айова, а затем еще западнее — в штат Юта, в Солт-Лейк-Сити, вблизи которого он работал на руднике. Он женился, когда ему было двадцать два года, а матери Билла всего пятнадцать.

Уильям (Билл) Ричард Хейвуд родился 4 февраля 1869 г. Когда мальчику было три года, умер отец. От отца Хейвуд унаследовал крепкое телосложение и недюжинную физическую силу, которая не раз выручала его в трудные минуты жизни. Впоследствии в память о нем он сменил свое имя Уильям Ричард на Уильям Дэдди.

Короткое детство Билла до краев было заполнено играми, проказами, забавами, как у любого мальчишки, любящего бегать наперегонки, драться, выдумывать всякие небывлицы. Впрочем, одна из шалостей кончилась для Билла весьма печально. Когда он мастерил рогатку и вырезал рукоятку из дуба, нож сорвался и попал в глаз. В больнице Солт-Лейк-Сити спасти глаз не удалось.

Билл рано узнал, что такое тяжелый труд. Посещением одного семестра в школе св. Марка в Солт-Лейк-Сити заканчивается образование Хейвуда. В девять лет он уже работает на руднике. В пятнадцать Билл покидает родной дом и совершает первое большое путешествие в соседний штат Неваду на рудники. С этих пор и до конца своих дней он не задерживается долго на одном месте.

Рудник, на который поступил Билл, находился в 60 милях от Винемуги — ближайшего города — и был совершенно оторван от внешнего мира. Тяжелая совместная работа, изолированная жизнь располагали рудокопов к тесной дружбе. Здесь Хейвуд получил первые уроки юнионизма. Он узнал о боевой организации рабочих с романтическим названием «Орден рыцарей труда». Эти рыцари не имели мечей и секир, они выковыляли в борьбе не менее грозное оружие — забастовку. «Орден» вел непримиримую борьбу за единство и солидарность рабочих. «Я впервые слышал о том, что рабочим надо объединиться для защиты своих интересов»², — писал впоследствии Хейвуд.

В то время, когда Хейвуд находился на рудниках Невады, произошло событие, потрясшее всю страну. Оно вошло в историю США как «Чикагская трагедия». Бомба провокатора, брошенная во время митинга рабочих в Чикаго в 1886 г., была использована властями в качестве предлога для бешеной травли прогрессивных сил по всей стране.

События 80-х годов во многом стали поворотным пунктом всего рабочего движения страны. Они явились ярким доказательством ошибочности взглядов о мирном развитии отношений между трудом и капиталом и якобы «беспочвенности» социализма в США. Массовое движение этих лет за 8-часовой рабочий день вовлекло в борьбу тысячи коренных американцев. То, что это движение «еще идет ощупью, неловко, не имея ни ясных целей, ни знаний, — неизбежно, — писал Ф. Энгельс. — Все это наладится; движение будет и должно развиваться, учась на своих собственных ошибках... Вступление в движение массы коренных рабочих Америки я считаю одним из самых значительных событий 1886 года»³. Хейвуд был одним из таких коренных американцев. Правда, пройдет еще некоторое время, прежде чем он активно включится в классовую борьбу, но события тех лет на всю жизнь связали его с движением за освобождение рабочего класса.

В те молодые годы, о которых идет речь, он еще беспомощно искал средства от пороков несправедливой системы, сам, своими наблюдениями, впечатлениями, опытом пытался вывести формулу борьбы. Перед будущим революционером лишь только открывалась первопричина всех зол Америки «позолоченного века» — социальное неравенство. Он блуждал в потемках, в поисках выхода из жизненного тупика, инстинктивно сопротивляясь любым проявлениям насилия и несправедливости. Бурные события, развернувшиеся в США в конце XIX в., подсказывали этот выход, открывали пути к активным действиям. Это было знамение времени. Оно будило людей, поднимало на борьбу, выдвигало в лидеры самых сильных и решительных.

² «Книга Билла Хейвуда». Автобиография Вильяма Д. Хейвуда. М. — Л., 1932, стр. 62.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 407.

Как и рабочие других профессий, горняки Запада постепенно приходили к выводу, что улучшения своего положения можно добиться лишь путем организации. И местные профсоюзы горняков начали возникать еще до начала 90-х годов. Семена классовой организации поначалу сеяли занесенные в «черные списки» беженцы с Востока — рабочие, которым до самой старости приходилось постоянно переходить с одного места на другое. Тяжким путем шли рабочие-активисты. Их ожидали побои и гонения, полиция и войска, шпионы и «черные списки». Но, пожалуй, самым трудным было завоевать доверие рабочих, говорящих на многих языках, убедить их без страха, с риском для жизни идти навстречу опасности. Хозяева внушали рабочим: не доверяйте профсоюзным агитаторам, этим бездельникам и вымогателям! На ваши деньги они устраивают забастовки, а вы из-за них лишаетесь работы, теряете крышу над головой. Они предадут вас, оставляют на произвол судьбы и уходят в другие места затевать такую же смуту. Для многих это звучало убедительно. Рабочие оказывались сбитыми с толку: они не догадывались, что если и попадались среди профсоюзных лидеров жулики, то именно потому, что горнопромышленники подкупали их.

В начале августа 1894 г. в Силвер-Сити, где в эти годы работал Хейвуд, прибыл председатель Западной федерации горняков (ЗФГ) Эдвард Бойс. ЗФГ была создана в 1893 г. и объединяла в основном рабочих медных, свинцовых и цинковых рудников, а также предприятий цветной металлургии. Ни одна рабочая организация того времени не встречала столь враждебного к себе отношения со стороны компаний, как ЗФГ. Об этом писал и Хейвуд в 1906 г.: «Западная федерация горняков вызывает ненависть капиталистов и корпораций не потому, что эта организация всегда отстаивала насилие, а потому, что она всегда требовала, чтобы правящий класс подчинялся закону и признавал его, тогда как этот класс считал, что законы распространяются только на трудящихся»⁴.

Но федерация, несмотря на все многочисленные трудности и препятствия, продолжала расти численно и успешно бороться за свое существование, за права рабочих, организовывала забастовки и локауты. Главной ее целью, как и всех других рабочих организаций, было установление более высокой заработной платы и более короткого рабочего дня. Следует вместе с тем отметить, что как в период становления, так и в первые годы своего существования ЗФГ не выступала против существующей общественной системы. Ее лидеры считали, что с помощью профсоюзного движения можно обуздать власть монополий. Как говорил один из профсоюзных руководителей Запада, на них оказывали влияние не столько «идеи социализма, сколько стремление выйти на политическую арену, чтобы добиться законодательства, защищающего права наемного рабочего»⁵. Тем не менее ЗФГ шла в авангарде борьбы за улучшение условий жизни значительной части американских рабочих.

Бойс сыграл большую роль в жизни многих профсоюзных активистов, в том числе и Хейвуда. Это был тот тип рабочего вожака, который импонировал Хейвуду своей энергией, ясностью мыслей, близостью к массам, за которым хотелось следовать, которому хотелось подражать, и по крайней мере в первые годы своей деятельности в ЗФГ Билл старался равняться на него⁶. После выступлений Бойса люди сотнями шли в ЗФГ. Вступил в нее и Хейвуд. Отсюда ведет начало его путь в профсоюзное движение. Он стал членом федерации в период ее подъема, когда она решительно шла по пути радикализации, и Хейвуд способствовал логическому продолжению этой тенденции. Вскоре его избирают членом финансового комитета. Билл становится активным деятелем федерации.

Когда ЗФГ начала издавать ежемесячный журнал «Miners' Magazine», на его страницах появились первые статьи Хейвуда — пока еще не очень умелые плоды его довольно обширной в дальнейшем журналистской деятельности. Наделенный живым умом, Хейвуд вскоре поборол робость перед печатным словом и со временем научился писать легко, доходчиво, ярко. В «Miners' Magazine» (одно время он был редактором этого ор-

⁴ Цит. по: C. Thompson. John Mitchel. — «Current History», January 1950, p. 35.

⁵ Ф. Онер. История рабочего движения в США, т. III. М., 1966, стр. 390.

⁶ J. Conlin. Big Bill Haywood and the Radical Union Movement. Syracuse, 1969, p. 24—25.

гана) он призывал к решительным действиям против владельцев рудников, критиковал «деловой юнионизм» лидеров Американской федерации труда (АФТ). На съезде ЗФГ в 1899 г. Хейвуд был избран ее секретарем-казначеем. В американском профсоюзном движении этот пост имеет важное значение. На секретаре-казначее по существу лежит все руководство организационной работой в профсоюзе, он ведает сбором и следит за расходованием денежных средств. А без значительных фондов профсоюз не может успешно проводить забастовки, не имеет возможности брать под залог членов союза в случае их ареста, выпускать свою литературу и заниматься рядом других неотложных дел. Так что успешная работа профсоюза во многом зависит от опыта, энергии, способностей секретаря-казначая. Именно тогда с чьей-то легкой руки рабочие в знак уважения начали называть Хейвуда Большим Биллом. К тому времени Бойс уже отошел от профсоюзной работы. В 1901 г. у ЗФГ появился новый председатель — Чарлз Мойер, плавильщик из Южной Дакоты. Редактором «Miners' Magazine» стал бывший рудокоп из Криппл-Крика Джон О'Нил, прекрасный человек и способный журналист. Журнал начал выходить еженедельно.

С избранием на пост секретаря-казначая Большой Билл становится профсоюзным лидером широкого масштаба. Более последовательный и решительный, чем новый председатель федерации, он со временем берет на себя руководство этой организацией. Характеризуя его роль в ней, американский публицист Бейкер писал: «Первым я ставлю Хейвуда; он основная сила в Западной федерации. Человек, добившийся руководства в такой организации, должен обладать многими ценными качествами руководителя»⁷.

Став человеком с достаточно сложившимися симпатиями и антипатиями, Хейвуд все же до 1903 г. питал еще много иллюзий, распространявшихся и на его оценку взаимоотношений между трудом и капиталом. «Он считал,— отмечает американский либеральный историк М. Дубофски,— что социальные изменения станут возможными для рабочего класса в результате его организации, просвещения, а также путем изменения законодательства»⁸. В частности, обращение Хейвуда к должностным лицам и бизнесменам Колорадо показывает, что тогда он был еще далек от марксистского понимания классовой борьбы⁹.

«Война в Колорадо» — длительная и упорная забастовка в горнорудном бассейне Колорадо, которая продолжалась с лета 1903 до конца 1904 г., в значительной степени способствовала формированию революционного сознания Хейвуда. Она стала истинно одной из важных вех как в его жизни, так и в истории американского рабочего движения.

«Ад в Скалистых горах» — так называют события в Колорадо Р. Бойер и Г. Моррейс в книге «Нерасказанная история рабочего движения в США», вышедшей в 1957 г. Жизнь рабочих здесь действительно была адской. Невыносимые условия работы и беспросветный быт горняков вызвали целую лавину забастовок, которые обрушивались на горнопромышленников то в одном, то в другом городке или поселке штата. В конце XIX — начале XX в. не было года, когда бы в Колорадо промышленники не вызывали части регулярной армии и национальной гвардии. Насквозь продажное правительство штата (это признавал даже президент Т. Рузвельт) выполняло все, что требовали от него предприниматели, прежде всего Рокфеллер, в чьих руках находилось большинство шахт.

Характерным моментом в столкновении рабочих с предпринимателями в Колорадо было то, что Западная федерация горняков на первых порах проявляла в своих действиях известную «умеренность» и «выдержку»¹⁰. Однако власти штата стремились направить события в удобное им русло и вместе с предпринимателями не теряли времени даром. Несмотря на противодействие городского совета и шерифа, которые считали, что в «округе нет беспорядков», губернатор Дж. Пибоди вызвал войска штата в Криппл-Крик. Очевидное отсутствие беспорядков не остановило генерала Шермана Белла, воз-

⁷ «Appeal to Reason», 30. VII. 1904, p. 2.

⁸ M. Dubofsky. The Radicalism of the Dispossessed. William Haywood and the IWW.— «Dissent. Explorations in the History of American Radicalism». New York, 1970, p. 186.

⁹ Ibidem.

¹⁰ J. Commons and others. History of Labor in the United States, 1896—1932, vol. IV. New York, 1935, p. 196.

главлявшего эту карательную экспедицию, с одобрения губернатора объявить осадное положение.

Стоило некоторое время спустя небольшой местной газете «Record» отважиться по-критиковать генерала Белла, как тотчас же ее тираж был конфискован. На следующее утро газета все же вышла. Жена одного из арестованных литейщиков Эмма Лэнгдон, сама печатница, без чьей либо помощи выпустила газету. На ее первой полосе был напечатан крупный заголовок: «Немного пострадала, но в строю!» Впоследствии Лэнгдон опубликовала фундаментальный труд о событиях, свидетелем которых она явилась, — «Забастовка в Крипл-Крик». Книга выдержала несколько изданий, причем последнее вышло сравнительно недавно ¹¹.

Забастовка перекинулась в соседние штаты. Из разных мест поступали в штаб-квартиру ЗФГ сообщения о ходе борьбы. Хейвуд постоянно держал прочную связь с секретарями местных юнионов, действовавших не только на территории Колорадо. «Я стремился сблизить Аризону с Аляской, Монтану с Колорадо» ¹², — писал он.

Хотя официально по решению профсоюза борьба в основном районе стачки — Крипл-Крике продолжалась вплоть до 1907 г., фактически она завершилась к концу 1904 г. Известную роль в досрочном окончании забастовки сыграла предательская политика лидеров Объединенного профсоюза горняков ¹³ во главе с Джоном Митчеллом. Это была не первая и не последняя забастовка, сорванная Митчеллом. В конце концов, рабочие по заслугам воздали ему, выгнав из руководства союза ¹⁴.

Последствия «войны в Колорадо» не были однозначными для рабочих всего округа. После борьбы, продолжавшейся 15 месяцев, горняки Теллурайда получили то, что требовали: минимум зарплаты в 3 долл. за 8-часовой рабочий день. В других местах результаты были иными. Восемь местных отделений профсоюза в округе были разгромлены, и для организованных рабочих стало невозможным получение работы в данном районе. Многие рабочие Крипл-Крика были занесены в «черные списки», им пришлось перебраться в Неваду, где власти штата обещали горнякам Колорадо работу. Согласно данным, опубликованным в то время в журнале «Current History», во время этой грандиозной битвы труда и капитала 42 человек были убиты, 112 ранены, 1345 арестованы и посажены в специально созданные властями концентрационные лагеря, 773 высланы из штата.

После событий в Колорадо, во время которых власти расправлялись с бастующими, не считаясь с законом, Хейвуд и другие лидеры ЗФГ пришли к неправильному выводу о бесполезности, бесцельности политической борьбы, необходимости широкого применения «прямых действий». «Война в Колорадо» имела еще один результат: на выборах в ноябре 1904 г. губернатор Пибоди потерпел поражение. Это означало, что борьба горняков встретила сочувствие не только в рабочей среде, но и у фермеров и средних слоев, т. е. широких кругов избирателей.

События 1903—1904 гг. в Колорадо наглядно показали необходимость организации рабочих в профсоюз, созданный на производственной основе, т. е. объединявший всех рабочих данной отрасли. ЗФГ значительно расширила свои ряды, и к 1905 г. она насчитывала 40 тыс. членов по сравнению с 25 тыс. в 1901 г.

Пройдет более 10 лет, и Большой Билл, давая показания Комиссии по делам промышленности, так оценит результаты классовых битв в Колорадо: «Это было именно в период тех самых стачек, когда Западная федерация горняков осознала необходимость создания единого великого союза» ¹⁵.

¹¹ E. Langdon. The Creep-Creek Strike. New York, 1969.

¹² «Книга Билля Хейвуда», стр. 152.

¹³ Объединенный профсоюз горняков (ОПГ), построенный по производственному принципу, был организован в 1890 г. К началу XX в. в его рядах насчитывалось около 10 тыс. человек. С первых же дней существования профсоюза лозунгом его лидеров стали переговоры с предпринимателями, арбитраж, а не стачки. Недаром именно лидеры ОПГ питали верхушку АФТ. После смерти Самуэля Гомперса бывший секретарь-казначей ОПГ Уильям Грин заменил его на посту председателя АФТ.

¹⁴ Характерно, что впоследствии Митчелл занимал ряд должностей в буржуазном государственном аппарате. Умер он в 1919 г., оставив состояние в четверть миллиона долларов. — L. A. d a m i c. Dynamite. The Story of Class Violence in America. New York, 1931, p. 134—135.

¹⁵ M. D u b o f s k y. Op. cit., p. 187.

В ПЛЕНУ АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМА

Годы, насыщенные стачечной борьбой американского пролетариата, были отмечены дальнейшим развитием в США социалистического движения. Социалистическая партия, в которую Хейвуд вступил вскоре после ее основания в июле 1901 г. на съезде в Индианополисе, объединяла в то время большинство социалистически настроенных рабочих и интеллигентов. Помимо отколовшейся части Социалистической рабочей партии и Социал-демократической рабочей партии, в нее входили другие отдельные социалистические группы, ранее мало связанные между собой.

Учредительный съезд, выявивший глубокие противоречия среди различных представленных на нем социалистических групп, предвещал в будущем острую борьбу по таким кардинальным проблемам, как ближайшие и конечные цели партии, отношение к профсоюзному движению, к фермерству. Пестрый состав партии, в которую вошли кроме рабочих представители городской и сельской мелкой буржуазии, территориальный принцип, признававший автономию местных организаций при почти полном отсутствии централизма и внутрипартийной демократии, сразу же сделали невозможным проведение единой политической линии. Внутри партии обозначились три течения: правые, центристы и левые. И хотя в первые годы существования Социалистической партии центристы и левые составляли единую коалицию, впоследствии и их пути разошлись. Партия во многом отражала борьбу в рабочем движении страны и интересы его различных отрядов.

Недолговечность коалиции была очевидна. Левые, временно пошедшие на соглашение с центристами, не разделяли оппортунистических взглядов последних и никогда не оставляли желания превратить партию в боевую организацию. Во главе левых стоял Юджин Дебс, к началу XX в. пользовавшийся огромной популярностью среди рабочих, среди всей передовой части американского общества. Кстати, ко времени образования Социалистической партии «красные казначеи» (Дебс, как и Хейвуд, был одно время секретарем-казначеем Братства кочегаров) уже были знакомы и лично.

Но ни Дебс, ни Хейвуд — выдающиеся руководители американского пролетариата начала XX в. — не были теоретиками и, более того, проявляли явную слабость в теории. На рубеже XX в. американское рабочее движение не имело ни теоретически зрелого авангарда, ни руководителей, вооруженных теорией марксизма, которые бы смогли вести за собой рабочих, преодолевая идеологию буржуазии¹⁶. Поэтому-то рабочее движение США в эти годы было не в состоянии порвать с традициями буржуазного мировоззрения. «Прямым продуктом этого буржуазного мирозерцания и его влияния, — писал В. И. Ленин, — надо считать и анархо-синдикализм и реформизм, хватающиеся за одну сторону рабочего движения, возводящие односторонность в теорию, объявляющие взаимно исключаящими такие тенденции или такие черты этого движения, которые составляют специфическую особенность того или иного периода, тех или иных условий деятельности рабочего класса»¹⁷.

С одной стороны, в рабочем движении США конца XIX — начала XX в. процветали реформизм и оппортунизм, в наиболее чистом виде нашедшие свое выражение в деятельности цеховых профсоюзов и лидеров объединявшей их АФТ. С другой, — это была обратная сторона той же самой медали — пренебрежение к вопросам революционной теории сказывалось и на характере деятельности левого крыла рабочего движения, которое, хотя и было по духу революционным, все же в течение многих лет носило оттенок анархо-синдикализма. Передовые революционные элементы рабочего класса, стихийно поднимавшиеся против капитализма, полностью отвергавшие оппортунистический путь борьбы, но в то же время, не имея подлинно марксистского руководства, попадали под власть анархистских и анархо-синдикалистских влияний.

Условия жизни и труда, политическое положение огромной массы рабочих порождали анархистские настроения. Миллионы иммигрантов — поставщиков дешевого труда, коренные неиндустриальные рабочие — дровосеки, рабочие небольших деревооб-

¹⁶ См. З. К. Эггерт. Д. Де Леон — идеолог анархо-синдикализма в американском рабочем движении. — Сб. «Из истории социально-политических идей». М., 1955, стр. 674.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 66.

рабатывающих фабрик, сельскохозяйственные рабочие, «кочующие рабочие», не имевшие определенных профессий и колесившие по стране в поисках работы, — все они вели полуголодное существование и были подвержены мелкобуржуазной псевдореволюционности анархо-синдикализма. Политически безграмотные и неопытные, по существу отрезанные от политической жизни страны, они склонны были отрицать любые политические действия. Это были по большей части бездомные, ведущие безалаберную жизнь рабочие, не приученные к дисциплине ни условиями жизни, ни условиями труда. Поэтому им более импонировали «ультралевые» фразы анархо-синдикалистов, чем призывы социалистов соблюдать выдержку и действовать организованно. Одним из таких «кочующих рабочих» в течение многих лет был и Хейвуд, впитавший в себя эти настроения и значительную часть своей жизни отдававший дань анархо-синдикализму.

Теоретическое обоснование таким настроениям в рабочем движении США дал один из крупнейших представителей американского социализма, создатель теории «индустриального юнионизма» — Де Леон. Стоявший во главе Социалистической рабочей партии в течение почти четверти века (с начала 90-х годов вплоть до своей смерти в 1914 г.), «Де Леон может быть справедливо назван интеллектуальным отцом американского синдикализма»¹⁸. Мало кому из деятелей левого крыла рабочего движения того времени, в том числе и Хейвуду, удалось избежать влияния идей Де Леона. Возможно, Хейвуд и не вполне осознавал общность своих взглядов, выведенных из практики борьбы на полях классовых сражений, с теоретическими построениями Де Леона, но идеи «индустриального юнионизма» находили отражение в его выступлениях и статьях первого десятилетия нового века.

Влияние идей «индустриального юнионизма» можно проследить и в брошюре «Индустриальный социализм», выпущенной Хейвудом совместно с Ф. Боном¹⁹ в 1911 г. В брошюре нашли место концепции о путях завоевания партией правительственной власти путем выборов, говорилось об «индустриальной республике», «организованном индустриальном обществе», «индустриальном правительстве», недооценивалась роль партии и преувеличивалась роль профсоюзов²⁰. Хейвуду импонировал и максимализм тех, кто выступал за немедленное свержение буржуазии, кто испытывал неприязнь к борьбе за частичные требования, которые якобы отвлекают рабочих от их основной цели — борьбы за власть.

Во взглядах Хейвуда было еще много наивного, подсказанного не столько знанием, сколько эмоциональным восприятием событий. В протоколах съездов ЗФГ 1902, 1903 и 1904 гг., в разработке которых Большой Билл принимал деятельное участие, нашли отражение идеи, весьма далекие от научного понимания революционного процесса. В одной из резолюций съезда 1904 г., подписанной Хейвудом, есть, например, такие слова: «Если понадобится, мы все начнем экономическую забастовку, а затем все выступим на выборах как один человек с целью добиться правильного решения рабочего вопроса путем избрания на государственные должности людей нашего класса»²¹.

Утопическое понимание путей свержения капитализма сочеталось с не менее фантастическими представлениями о возможностях захвата профсоюзами власти на предприятиях. В начале 900-х годов Хейвуду казалось, что профсоюзы, вложив определенную сумму денег в промышленность и став совладельцами компаний, смогут добиться контроля над ними²². Впоследствии, считал Хейвуд, профсоюзы таким путем смогут взять в свои руки все богатства страны. На XI съезде (1903 г.) руководство ЗФГ предложило федерации собрать с членов профсоюзов взносы на эти цели²³. От плава покупки акций у компаний пришлось в тот период отказаться, хотя бы потому, что ЗФГ испытывала большие финансовые затруднения. Оглядываясь на эти далекие годы, Хейвуд

¹⁸ W. Foster. From Bryan to Stalin. New York, 1937, p. 34.

¹⁹ Фрэнк Бон — один из лидеров Социалистической рабочей партии и организатор Индустриальных рабочих мира.

²⁰ W. H a u w o o d, F. B o h n. Industrial Socialism. Chicago, 1911, p. 55—59.

²¹ «Proceedings of the 10th Convention of the Western Federation of Miners», 1902, p. 161.

²² Ibid., p. 163—165.

²³ «Proceedings of the 11th Convention of the Western Federation of Miners», 1903, p. 33—34.

на закате жизни хорошо осознавал всю наивность подобных проектов, о чем писал и в автобиографии²⁴. Большой Билл всеми силами стремился соединить марксизм с традиционными американскими демократическими идеями, обладавшими бесспорными достоинствами и очевидными недостатками. Но вопреки этим слабостям он вносил свой вклад в практику американского рабочего движения, поднимал и вел за собой большие отряды трудящихся, распространял здоровые в своей основе идеи. Так же как и Дебс, он мог со всей справедливостью сказать о себе: «Я был крещен в социалисты в грохоте битвы... в сверкании штыков и отблесках винтовок, в классовой борьбе»²⁵.

Ему еще трудно было овладеть методом мышления — объем усвоенных им знаний был невелик. И хотя исходной базой его действия пока была еще не подлинно марксистская наука, а по большей части этический фактор (несправедливость эксплуатации человека человеком, богатство одних и бедность других), тем не менее деятельность таких людей, как Хейвуд, стимулировала также и движение научной мысли.

ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ РАБОЧИЕ МИРА

Опыт бурного стачечного движения конца XIX — начала XX в. особенно ярко продемонстрировал бессилие цехового юнионизма в борьбе против единого фронта капитала, а также оппортунистическую роль лидеров АФТ, сводивших на нет многие достижения рабочих. Прогрессивно настроенные участники американского рабочего и социалистического движений сходились во мнении, что необходима новая организация, которая «будет соответствовать современным условиям индустриального производства и наконец позволит трудящимся добиться полного освобождения от наемного рабства для всех наемных рабочих»²⁶. Стремящихся к такой цели становилось все больше и больше...

В конце 1904 г. Хейвуд приступил к одному из самых главных дел всей своей жизни — созданию организации Индустриальные рабочие мира (ИРМ). Кто бы ни писал об ИРМ — будь то марксисты или буржуазные исследователи, — они, как правило, не обходят молчанием имя Хейвуда — одного из создателей и руководителей этой организации.

В книге, посвященной ИРМ и опубликованной еще в 1919 г., ее автор П. Ф. Бриссенден писал: «Общественность пока еще мало знает об этой организации и ее членах... Людям не говорили ни о деятельности ИРМ, ни о принципах, в которые они верили. Газеты писали об этой организации так много небылиц и хранили такой широкий, охвативший всю страну разговор заговор молчания о ее действительной философии, особенно ее основных положениях, что у народа создалось об этой профсоюзной группе до странности расплывчатое впечатление»²⁷.

Много написано об ИРМ после 1919 г. — исследования крупных историков и участников событий тех лет, мемуары, романы и стихи, но и в современной Америке продолжают бытовать различного рода «былицы», о которых писал еще Бриссенден. Для многих буржуазных историков, консервативных лидеров профсоюзов ИРМ сознательно ассоциируются с бродягами, проповедниками саботажа, насилия ради насилия, бросающими бомбы и стреляющими из-за угла, — одним словом с теми, кто «сеет беспорядки ради того, чтобы вызвать смуту». Хейвуд же изображается как один из основных, если не самый основной «смутьян» этой «террористической организации». Такие авторы акцентируют в первую очередь внимание читателей на заблуждениях ирмовцев, ставя под сомнение, либо умалчивая все лучшее, что было ими сделано. Деятельность ИРМ, утверждают они, оказалась «бесплодной», она якобы не оставила «никаких видимых следов» в истории американского рабочего движения. В таком свете, например, преподносится история ИРМ в работе Стюарта Холбрука «Революция в Скалистых горах» (1959 г.). Эти же мотивы встречаются и в опубликованной в 1964 г. книге Джона Роча «В погоне за мечтой». Во многом солидаризируется с ними и Филипп Тафт²⁸.

²⁴ См. «Книга Билля Хейвуда», стр. 138.

²⁵ «Writings and Speeches of E. V. Debs». New York, 1948, p. 45.

²⁶ «Proceedings of the First Convention of the Industrial Workers of the World». New York, 1905, p. 82.

²⁷ P. F. Brissenden. The IWW. New York, 1919, p. 5.

²⁸ См., например: Ph. T a f t. Organized Labor in American History. New York, 1964. p. 289—298.

Существует и иная, прямо противоположная трактовка деятельности ИРМ — литература, идеализирующая историю этой организации, создает ореол непогрешимости вокруг ее лидеров. Подобные авторы — нередко участники классовых сражений начала XX в., во главе которых стояли ИРМ. Они часто не могут объективно взглянуть на события тех лет и разглядеть ошибки и просчеты, впоследствии сыгравшие роковую роль в упадке этой организации.

Нельзя не указать и довольно широкий круг художественной литературы, в которой встречаются (естественно, в беллетристической интерпретации) образы видных деятелей ИРМ, в том числе и Хейвуда. Многие исследователи отмечают известное сходство главного героя романа Джека Лондона «Железная пята» Эрнста Эверхарда с яркой и колоритной фигурой Большого Билла.

Впоследствии различная трактовка ИРМ получает освещение на страницах других литературных произведений. Среди них — роман Джеймса Джойса «Отсюда — в вечность», в котором выведен образ старого члена ИРМ, вспоминающего о былых славных днях, роман Уолласа Стегнера «Проповедник и раб», пьеса Барри Стэвиса «Человек, который никогда не умрет»²⁹ о легендарном Джо Хилле и его времени. Американские народные певцы до сих пор включают в свой репертуар песни, которые распевали уоббли (так называли членов ИРМ) более полувека тому назад.

Следует отметить, что в период подъема демократических движений, которым отмечены конец 60-х — начало 70-х годов, заметно повысился интерес к исследованию деятельности ИРМ, о чем свидетельствует значительное число работ, вышедших в последнее время.

Уже упоминавшийся Дубофски в статье о роли Хейвуда в ИРМ пишет: «Деятельность Индустриальных рабочих мира и Хейвуда говорит нам много о природе американского радикализма, пределах возможного раскола в так называемом свободном обществе и о перспективах радикальных перемен, если таковые имеются в американском обществе. Ибо ИРМ, так же как негритянские воинственно настроенные организации и «новые левые» 60-х годов, презирали «структуру власти»; их оружием против установленных порядков были насильственные «прямые действия»... Более того, ирмовцы, как и сегодняшние молодые радикалы, практиковали антиорганизационный, полуутопический, почти анархистский радикализм. Для того чтобы понять новый радикализм наших дней и его завтрашние черты, не лучше ли обернуться назад и взглянуть на то, каким он был вчера»³⁰.

Подмеченные Дубофски черты сходства ИРМ с нынешним поколением американских радикалов (при всей относительности этого сравнения) свидетельствуют о необходимости их изучения для лучшего понимания истоков и тенденций современных массовых движений.

I съезд ИРМ, который в июне 1905 г. открыл Хейвуд, провозгласил своей целью «освобождение рабочего класса от рабского подчинения капитализму»³¹. Принятый на съезде устав предусматривал возможность вступления в новую организацию всех работающих по найму. Цвет кожи, национальность, религия, пол не могли служить ни малейшим препятствием на пути вступления в ИРМ; членом этой организации мог стать любой рабочий иностранного происхождения. Подлинный, последовательный интернационализм стал неотъемлемой частью всей деятельности ИРМ.

Совершенно лишенный каких бы то ни было шовинистических, националистических предрассудков, Хейвуд всю жизнь был неутомимым борцом против любых проявлений расового и национального неравенства. На учредительном съезде ИРМ в 1905 г. Хейвуд впервые выдвинул лозунг о привлечении в ряды новой организации рабочих всех рас и национальностей. Он решительно выступал за принятие в союзы негров, японцев и китайцев, которых реформисты из АФТ всеми правдами и неправдами старались не до-

²⁹ Пьеса была опубликована издательством «Искусство» в Москве в 1955 г. Предисловие к пьесе, переработанное Б. Стэвисом в отдельную книгу «Человек, который никогда не умрет», в 1964 г. вышло в издательстве «Мысль».

³⁰ M. D u b o f s k y. Op. cit., p. 178.

³¹ «Proceedings of the First Convention of the Industrial Workers of the World», p. 18.

пустить в свои ряды. Хейвуд был ревностным противником любых иммиграционных ограничений³².

«Проработав свыше десяти лет в теснейшем контакте с Хейвудом и другими вожаками Индустриальных рабочих мира,— вспоминал видный ирмовец Г. Андрейчин,— я почти склонен верить, что эти скромные, сильные сыны Запада родились без всяких национальных предрассудков. Или, возможно, они эмансипировались уже с ранних лет в гуще битв, так как им приходилось бороться плечом к плечу с бунтарями всевозможных рас и национальностей»³³. Рядовые уоббли, так же как и их лидеры, представляли собой одну сплоченную массу интернационалистов, для которых превыше всего была классовая борьба; и в этой битве рабочие любых национальностей и рас были братьями, а капиталисты — врагами. Это чувство братства и солидарности развилось в годы совместной тяжелой борьбы в подпольной конспиративной организации, в условиях опасностей и преследований. А родившись в таких условиях, это чувство остается навечно. «Благодаря духу всеобъемлющего братства рабочего класса,— писал об уоббли один из исследователей их деятельности Севадж,— они не только нашли в ней освобождение от расовых предрассудков, но почти новую религию»³⁴.

Новая организация рождалась как протест против оппортунизма и кастовости АФТ, что сказалось на программе. Ее пункты в основном построены на отрицании соответствующих положений программы АФТ: на все вопросы, на которые федерация отвечает «да», ИРМ почти всегда отвечает «нет».

Созданные на производственной основе ИРМ отвечали в первую очередь интересам неквалифицированных, неорганизованных и не имеющих доступа в АФТ рабочих. «Меня несколько не волнует, присоединятся ли сейчас квалифицированные рабочие к этому профсоюзному движению,— заявил Большой Билл.— Когда мы вовлечем в свою организацию неорганизованных и неквалифицированных рабочих, квалифицированные рабочие по необходимости вступят в нее ради защиты собственных интересов»³⁵.

Съезд утвердил и ряд резолюций, одна из которых приветствовала разворачивавшуюся русскую революцию 1905 г., эту «великую борьбу рабочего класса далекой России против невыносимого произвола, угнетения и жестокости»³⁶.

«НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ ГРАЖДАНИН»

Не прошло и года со времени появления ИРМ, как Хейвуд и два других активных деятеля американского рабочего движения, Чарлз Мойер и Джордж Петтибон, стали жертвами сфабрикованного против них обвинения.

Один из закоренелых преступников, некто Гарри Орчард, связанный с Ассоциацией горнопромышленников, 30 декабря 1905 г. убил бывшего губернатора штата Айдахо Фрэнка Стюенберга. Орчард не без основания полагал, что вину за убийство предприниматели возложат на профсоюз и это станет поводом для «законной расправы» над Западной федерацией горняков. Орчард хорошо знал, что Стюенберг, пользовавшийся поддержкой рабочих в 1896 и 1898 гг., когда он выдвигал свою кандидатуру на пост губернатора штата от партии популистов, затем обманул их доверие. В 1899 г. федеральные войска, вызванные по инициативе Стюенберга, жестоко подавили стачку горняков в Кер-д'Алене.

Через несколько дней после ареста Орчарда в Бойси новым действующим лицом развернувшихся событий становится пивкертоновский агент, ярый враг профсоюзов с солидным стажем Джеймс Макпарлан³⁷. Он сразу же обдумал план действий, лишь только прибыл в Бойси. 9 января 1906 г. он посетил губернатора Ф. Гудинга и нескольких других высокопоставленных лиц Айдахо. Поздно ночью либо на следующее утро отправил свое первое донесение Уильяму Пивкертону: «Я удовлетворен тем, что

³² J. S o n l i n. Op. cit., p. 175.

³³ Г. А н д р е й ч и н. Билль Хейвуд — пролетарский революционер.— «Книга Билля Хейвуда», стр. 19.

³⁴ Там же.

³⁵ «Proceedings of the First Convention of the Industrial Workers of the World», p. 298—299.

³⁶ Ibid., p. 180—185.

³⁷ Еще в 70-х годах XIX в. Макпарлан сыграл центральную роль в «разоблачении» тайной организации рабочих «Молли Магвайрс». Это стоило жизни девятнадцати горнякам.

кроме Орчарда в заговоре замешаны и другие лица. Я почти уверен, что Орчард был орудием в их руках». Еще не зная обстоятельств убийства, еще не встретясь с Орчардом, Макпарлан писал, что «Орчард — орудие ЗФГ»³⁸. 11 января он дал в денверскую контору телеграмму: «Вышлите фотографии Мойера и Хейвуда».

В тюрьме Орчард, подготовленный соответствующим образом, «признался» Макпарлану, что «внутренний кружок» ЗФГ уплатил ему 250 тыс. долл. за убийство. Более того, «внутренний кружок» заплатил ему якобы и за то, чтобы он убил губернатора штата Колорадо Пибоди, членов Верховного суда штата Колорадо, генерала Белла и многих других, но он, Орчард, противился этим злостным намерениям и не пошел на эти убийства. В награду за ложные показания Орчарду была обещана если не полная свобода, то по крайней мере гарантировалось спасение от петли. Таким образом, Орчард становился грозным орудием в руках властей штата Айдахо и агентства Пинкертон против руководства боевого рабочего союза. Орчард был переведен в небольшой уютный коттедж за стенами тюрьмы, получил новую одежду и деньги на расходы, вкусно ел и курил дорогие сигары.

В то же время власти штата Айдахо предъявили обвинение в соучастии в убийстве Стюненберга четырем видным деятелям ЗФГ — Хейвуду, Мойеру, Петтибону³⁹ и Симпкинсу. Последний исчез и не был найден⁴⁰. Остальные же трое находились в соседнем штате Колорадо, а по закону, процедура их выдачи была бы весьма сложной.

Однако 17 февраля рабочие лидеры были задержаны, переправлены в Бойси, где каждого из них поместили в камеру смертников. Это был ловкий ход: общественное мнение должно было убедиться в виновности арестованных еще до суда, обыватель должен был заклеить их и повлиять на приговор. Буржуазная печать, распространявшая под сенсационными заголовками всякие небылицы о профсоюзных лидерах, подготавливала почву, стараясь предрешисть исход процесса. Масло в огонь подлил Теодор Рузвельт. Он отозвался о Мойере, Хейвуде и Петтибоне как об убийцах. Президент назвал обвиняемых «нежелательными гражданами».

Весть о надвигающейся расправе над Хейвудом, Мойером и Петтибоном всколыхнула всю прогрессивную Америку. Имена обвиняемых, до сих пор неизвестные многим, пестрели на первых страницах газет и журналов, о них узнала вся страна. ЗФГ немедленно выступила с заявлением, в котором говорилось, что арест Хейвуда, Мойера и Петтибона — результат заговора властей штата и владельцев рудников, желающих обезглавить профсоюз и лишить жизни неповинных людей. ИРМ большими тиражами распространяли листовку под заголовком: «Будут ли наши братья убиты?». Листовка призывала «не принимать ничего не значащих резолюций, а действовать, как подобает людям, сознающим свои права и твердо намеренным их сохранить». Предлагалось незамедлительно начать сбор средств в защиту обвиняемых. Во многих крупных городах возникали созданные группами или отдельными лицами комитеты. ЗФГ, ИРМ, Социалистическая партия, все прогрессивные силы страны в той или иной степени вносили свой посильный вклад в поддержку Хейвуда, Мойера и Петтибона.

Памфлеты Дебса в защиту обвиняемых, прежде всего памфлет «Восстаньте, рабы!», можно оценить как замечательные образцы страстной агитации за правое дело. Они сыграли большую роль в защите обвиняемых рабочих в последующие годы. В одном из городков штата Нью-Йорк со страстной речью в поддержку Хейвуда выступила 16-летняя Элизабет Герли Флинн — это было ее первое поручение в ИРМ.

14 апреля ряд американских газет поместил телеграмму Максима Горького, находившегося в те дни в Соединенных Штатах. В телеграмме, адресованной Хейвуду и Мойеру, говорилось: «Привет вам, братья-социалисты! Мужайтесь! День справедливости и освобождения угнетенных всего мира близок. Навсегда братски Ваш М. Горь-

³⁸ A. R a v i s, J. P r i m m. The Haywood Case. San Francisco 1960, p. 67.

³⁹ Хотя Петтибон в течение многих лет уже не был членом ЗФГ, его обвинили в том, что он служил «связующим звеном» между «внутренним кружком» ЗФГ и напуганным убийцей. — «History of Labor in the United States, 1896—1932», vol. IV. New York, 1935, p. 213.

⁴⁰ В буржуазной литературе можно встретить мнение, согласно которому деятель ЗФГ Джерри Симпкинс, исчезнувший сразу же после убийства Стюненберга, инспирировал Орчарда на преступление. Некоторые исследователи склонны считать его агентом Пинкертонa. — V. J e n s e n. Heritage of Conflict. Ithaca, 1950, p. 201. Однако доказательств в подтверждение этой версии не приводится.

кий»⁴¹. На эту телеграмму Хейвуд и Мойер из тюрьмы ответили: «Брат! Классовая борьба ведется во всем мире; она одинакова и в Америке, и в России и действительно превращает нас в братьев. Передайте наши лучшие пожелания нашим товарищам — рабочим на вашей родине. Душой мы с вами. Примите наш братский привет»⁴².

4 ноября чикагская газета «Daily Socialist» напечатала блестящую статью Джека Лондона «Что-то неблагополучно в Айдахо». В ней Лондон едко высмеивал «признание» Орчарда, саркастически замечая, что «Колорадо — благодатная почва для признаний».

Долгие томительные месяцы тюрьмы Большой Билл проводил с максимальной пользой, занимаясь самообразованием. Как и для многих революционеров, тюрьма была для него университетом. Он жадно занимался чтением, на которое прежде у него не хватало времени. Здесь Хейвуд познакомился с произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса, прочитал книги по истории Великой французской буржуазной революции, «Историю цивилизации» Бокля, английских классиков, штудировал литературу по юриспруденции.

Защиту возглавлял Клэрэнс Дэрроу — известный адвокат-социалист, свискавший репутацию защитника угнетенных. Главным обвинителем на суде выступал Джеймс Хаули, о котором говорили, что он «защищал и добился оправдания, обвинял и добился осуждения большего числа людей, чем какой бы то ни было другой адвокат в Америке»⁴³.

Первым слушалось дело Хейвуда, которого власти штата сочли «основным преступником» из трех обвиняемых. От исхода процесса зависела судьба его товарищей. Допрос Хейвуда был расценен как центральный эпизод всего процесса. Своей логикой, выдержкой, находчивостью он разбил все предъявленные ему обвинения. Колоссальное впечатление на слушателей произвела и яркая речь Дэрроу. Он был в ударе — говорил 11 часов. Он был великолепен, когда переходил в наступление. Тогда он разил врага беспощадно. Его сарказм, неистощимая сатира били без промаха. Вопреки полному отсутствию веских доказательств и несмотря на то, что значительное большинство свидетелей дали показания в пользу Хейвуда, многие не без основания полагали, что жизнь Большого Билла висит на волоске.

В ночь на 27 июля 1907 г. присяжные удалились на совещание. Оно длилось 20 часов. Наконец они вошли в зал и заняли свои места. Мучительно долго секретарь читал список присяжных. В зале стояла гробовая тишина. Судья Вуд обратился к присяжным с вопросом, вынесли ли они приговор. «Да, — ответил старшина. — Не виновен».

Вся прогрессивная Америка выиграла, как говорил Дебс, «одну из величайших судебных битв в истории США»⁴⁴. Большой Билл вышел из тюрьмы подлинным героем. Горняки ликовали. В Денвере его встречала десяти тысячная толпа народа. Лэнгдон по горячим следам событий восторженно писала: «Ни один человек в истории не был встречен с такой душевной теплотой, как Хейвуд, когда он возвратился домой»⁴⁵.

Президиум Международного социалистического конгресса в Штутгарте, членом которого был В. И. Ленин, направил Хейвуду приветственное послание. В нем, в частности, говорилось: «Международный конгресс шлет Вильяму Гейвуду от имени социалистического движения всего мира пожелания успеха в той великой борьбе, которую он вел в интересах организованных рабочих Соединенных Штатов. Конгресс энергично клеймит попытку владельцев рудников добиться осуждения невинного единственно за заслуги его перед организованным пролетариатом»⁴⁶.

МИР РАСШИРЯЕТСЯ

Вскоре после тюремного заключения начинается многомесячная поездка Хейвуда по стране со знаменитыми публичными выступлениями. Их устроителями были рабочие организации и Социалистическая партия. Весь сбор с этих выступлений поступал в фонд

⁴¹ М. Г о р ь к и й. Полн. собр. соч. в 30 томах, т. 28, стр. 414.

⁴² Цит. по: Ф. Ф о н е р. История рабочего движения в США, т. IV. М., 1969, стр. 49.

⁴³ I. S t o n e. Clarence Darrow for the Defence. New York, 1941, p. 221.

⁴⁴ «Appeal to Reason», 17.VIII.1907.

⁴⁵ E. L a n g d o n. Op. cit., p. 527.

⁴⁶ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 300.

помощи политическим заключенным. Поездка Хейвуда по стране была частью просветительской работы ИРМ, которые вскоре после своего возникновения начали создавать лиги и клубы политического просвещения промышленных рабочих.

Чикаго, Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Портленд, Сиэтл — таковы основные пункты маршрута Хейвуда. Он выступал в роскошных залах и рабочих бараках, в парках и клубах, даже в палатке какого-то евангелиста. Снова и снова Большой Билл говорил о необходимости организовываться, о силе единства, призывал рабочих к классовой борьбе. Социалистическая печать сообщала, что «где бы он ни выступал, зал всегда был набит до отказа, аудитория бурно приветствовала Хейвуда, и...люди с огромным интересом слушали его рассказы о борьбе горняков Запада»⁴⁷.

Хейвуд, как и многие другие рабочие организаторы и активисты, не проходил курса ораторского искусства. Этому учила жизнь, интуиция, более опытные ораторы из рабочих. Как никто другой, Хейвуд умел покорить огромную аудиторию, состоявшую порой из людей, не знавших английского языка. Современники Большого Билла, слышавшие его речи, вспоминали, что он добивался этого благодаря своей эмоциональности, выразительности жестов, темпераменту. Переводчикам он не доверял — опасался искажений при переводе. Методы выступлений перед иностранными рабочими он передавал друзьям. Хейвуд учил их говорить с теми, кто плохо понимает по-английски, так, как говорят с детьми: строить короткие предложения и употреблять самые понятные слова. Выразительная жестикуляция должна была служить для пояснения мыслей оратора. Так, Хейвуд, например, выбрасывал пять растопыренных пальцев и произносил: «АФТ», а после небольшой паузы сжимал пальцы в кулак и выкрикивал: «ИРМ — один большой союз для всех рабочих». Такую символику рабочие мгновенно воспринимали. Его выступления были доходчивы по содержанию, просты по форме, остроумны, лишены какой-либо демагогии. «Трибуна, с которой он выступает, никогда не превращается в сцену,— писал один из его слушателей.— Но когда он говорит со сцены, сцена становится трибуной»⁴⁸. Он говорит конкретно, образно. «Я помню, как во время одного из своих выступлений,— писала Флинн,— он воскликнул: «Я — с дикого Запада, и у меня — два пистолета», а затем перед затихшей публикой вытащил из одного кармана профсоюзный билет, а из другого — членский билет Социалистической партии»⁴⁹.

В 1910 г. Хейвуду впервые представилась возможность пересечь океан и вплотную познакомиться с европейским рабочим движением.

К этому времени Большой Билл был избран в Национальный исполнительный комитет Социалистической партии. Кандидатура его прошла не без борьбы — многие из числа правых и центристов настойчиво пытались не допустить Хейвуда к руководству, считая, что его «неукротимая революционность» может существенно повлиять на деятельность партии. Действительно, став членом Исполкома Социалистической партии, Хейвуд возглавил ее левую фракцию и открыто выступил против постепенщины правых в теоретическом и политическом вопросах, против господства в ней мелкобуржуазных элементов. Он осуждал сотрудничество руководства СП с лидерами АФТ, доказывал необходимость реорганизации профсоюзов в производственные профессиональные объединения и вовлечения в них неорганизованных рабочих⁵⁰.

В том году левые добились серьезного успеха. Социалистическая партия должна была избрать восемь делегатов на Копенгагенский конгресс II Интернационала. Самое большое количество голосов получил В. Бергер (10 тыс.). Недавно избранный в Исполком кандидат от левых Хейвуд неожиданно занял второе место по списку, набрав только на 200 голосов меньше. Центрист Хилквит, хотя и был избран на конгресс, получил на 4 тыс. голосов меньше, чем Хейвуд⁵¹.

На Копенгагенском конгрессе Хейвуд встретился с такими вождями международного рабочего движения, как В. И. Ленин — глава русской делегации, Р. Люксембург, Г. В. Плеханов, Ю. Мархлевский, Ж. Жорес, К. Цеткин, Д. Благоев. Более чем

⁴⁷ Цит. по: Ф. Ф о н е р. Указ. соч., т. IV, стр. 372.

⁴⁸ W. G h e n t. William Haywood.—«Dictionary of American Biography», vol. VIII, p. 468.

⁴⁹ Э. Г. Ф л и н н. Своими словами. Жизнь бунтарки. М., 1962, стр. 74—75.

⁵⁰ W. H a y w o o d. The Revolt at Butte.—«International Socialist Review», August 1914, p. 9.

⁵¹ См. «История Второго Интернационала», т. II. М., 1966, стр. 304.

через десяток лет В. И. Ленин напомнит Хейвуду об их первой встрече в Копенгагене⁵². После конгресса Большой Билл выступал на нескольких рабочих митингах в Дании, причем его переводчиками были Клара Цеткин и совсем еще молодая Александра Коллонтай. Во время поездки по Европе Хейвуд получил возможность вплотную познакомиться с особенностями рабочего движения Швеции, Норвегии, Англии, Франции, Италии.

В Европе Хейвуд много беседовал с профсоюзными активистами, и эти контакты оказали на него определенное воздействие. Как и Фостер, который в это же время находился в Европе (с ним Билл встретился в Париже), Хейвуд оказался под влиянием «боевых» европейских профсоюзов, их деятельности среди малоквалифицированных рабочих, эффективного применения тактики «прямого действия»⁵³. Поездка в Европу убедила Большого Билла в правильности принципов ИРМ, и он возвратился в США убежденным сторонником «нового юнионизма».

Хейвуд вернулся в США в разгар борьбы ИРМ за свободу слова и со всей энергией включился в нее. Вскоре он вновь демонстрирует свои выдающиеся способности стратега забастовочной борьбы. Шел январь 1912 г. Местом событий, о котором пойдет речь, стал город Лоренс, находящийся в 30 милях от Бостона. В истории ИРМ, пожалуй, трудно назвать более успешно проведенную забастовку, ставшую подлинным триумфом этой организации.

ЛОРЕНС

В те годы Лоренс был известен как «камвольный центр мира». Крупнейшими шерстяными фабриками владела здесь «Америкэн вулин компани», находившаяся в руках Моргана. Низкая заработная плата; условия труда, не отвечающие элементарным человеческим нормам; потогонная система, часто приводившая к несчастным случаям; резко враждебное отношение предпринимателей и властей города к любым требованиям рабочих — в таких условиях приходилось жить текстильщикам Лоренса. Все это и явилось причиной забастовки.

Вполне естественно, что организационным центром забастовки стало местное отделение ИРМ, которое, впрочем, вскоре убедилось в том, что самостоятельно ему трудно будет справиться с огромной работой по организации многотысячной армии бастующих.

На призыв местного отделения ИРМ из Нью-Йорка в Лоренс выехали Джозеф Иттор (Улыбающийся Джо) и его друг Артуро Дживованитти. Вслед за ними сюда прибыли также Хейвуд, Томпсон, Флинн и некоторые другие известные руководители ИРМ.

Началась систематическая работа по организации разрозненных многонациональных групп (в Лоренсе проживали рабочие 25 различных национальностей). Никогда еще история американского рабочего движения до забастовки в Лоренсе не знала такого единства людей различных национальных и языковых групп. К концу февраля 1912 г. 7 тыс. новых членов вступило в ИРМ. Вся текстильная промышленность в Лоренсе и окрестностях остановилась. Весьма характерной чертой забастовки явилось массовое пикетирование. Ежедневно (с 15 января) от 3 до 10 тыс. человек неторопливо проходили перед зданиями фабрик под музыку и барабанную дробь. Они пели «Интернационал», «Марсельезу», «Солидарность навсегда» и другие революционные и ирмовские песни. Как и другие забастовки с участием ИРМ, забастовка в Лоренсе от самого начала и до самого конца сопровождалась песнями.

Вскоре после приезда в Лоренс Хейвуду поручается весьма нелегкое дело — организация финансовой поддержки бастующим. И, пожалуй, мало кто мог бы столь успешно справиться с этой работой. Забастовка затягивалась. Для успешного продолжения борьбы нужен был солидный забастовочный фонд.

Большой Билл вновь проявляет мудрость полководца классовой борьбы. Стаечный комитет не принимал ни одного решения без согласия Хейвуда, который развил решительные действия бастующих против штрейкбрехеров, активизировал борьбу за освобождение арестованных (во время забастовки в тюрьму было брошено около 300 человек), организовал с помощью Флинн женщин-пикетчиц (по словам Хейвуда, в Лоренсе «женщины были такими же активными борцами, как и мужчины, и боролись не

⁵² См. «Книга Билля Хейвуда», стр. 241.

⁵³ M. D u b o f s k y. Op. cit., p. 191.

хуже!»⁵⁴). В начале февраля стачечный комитет во главе с Хейвудом принимает решение об эвакуации детей бастующих рабочих к друзьям и родственникам за пределы Лоренса. С невероятным трудом (полиция Лоренса всеми средствами пыталась противодействовать отправке) рабочим удалось вывезти в Нью-Йорк, Барре и Филадельфию 250 детей.

К началу марта стали появляться первые признаки капитуляции фабрикантов. К середине месяца они вынуждены были принять требования рабочих. Более всех выиграли низкооплачиваемые рабочие: их зарплата повышалась более чем на 15%, за сверхурочные работы — на 25%. Запрещалась какая-либо дискриминация в отношении участников забастовки.

По свидетельству многих очевидцев и исследователей этих событий, «чудом Лоренса» явились сплоченность, единство действий всех групп рабочих-текстильщиков, говоривших на 45 различных языках и диалектах. Заслуга в этом прежде всего руководителей ИРМ, которые разрабатывали тактические планы, методы ведения борьбы, следили за их правильным выполнением. Лоренс, как и битвы за свободу слова, стал символом успехов Индустриальных рабочих мира; он поднял авторитет этой рабочей организации в глазах американской общественности.

Несмотря на систематическую дискредитацию деятельности ИРМ в Лоренсе со стороны лидеров АФТ, забастовка оказала определенное влияние и на широкие слои федерации. В адрес Гомперса и других лидеров АФТ раздавались призывы использовать «методы ИРМ». Так, Мэри Макдауэлл, директор университетского городка в Чикаго и один из первых организаторов рабочих в мясоконсервной промышленности, чрезвычайно враждебно относившаяся к ИРМ до событий в Лоренсе, после забастовки писала секретарю-казначее Объединенного профсоюза рабочих скотобоен и мясников Х. Коллу: «Я была на Востоке и говорила с несколькими мыслящими и наблюдательными людьми, которые присутствовали в Лоренсе и обследовали условия до забастовки, во время забастовки и после нее. На меня произвело большое впечатление то, что рассказывали эти люди. Они заявили, что у Хейвуда есть метод организации иностранцев в крупных отраслях промышленности, где требуется высокая квалификация и отмечается значительная специализация; этот метод является весьма продуманным и успешным.. Нельзя закрывать глаза на то, что они (ИРМ) пользуются методом, который АФТ должно применять, в противном случае профсоюзное дело будет страдать»⁵⁵.

Стачка в Лоренсе, как и классовые бои в Патерсоне и Акроне (1913 г.), укрепили популярность Хейвуда среди рабочих, упрочили связи с ними, подняли его авторитет в кругу лидеров ИРМ.

К лету 1911 г. Хейвуд становится фигурой, символизирующей обострившиеся разногласия между руководством ИРМ и Социалистической партией, а также раскол в самой партии между революционерами и реформистами. Правоцентристский блок осуществлял руководство в партии и делал все зависящее для дискредитации левых в глазах рядовых социалистов. Правые и центристы сознательно искажали выступления Хейвуда в этот период, стараясь всеми силами доказать, что он противник политической борьбы, сторонник исключительного применения методов «прямого действия» и саботажа.

Следует отметить (это признают даже буржуазные историки), что Хейвуд не отрицал необходимости политических действий рабочего класса, так же как и не высказывался против участия пролетариата в избирательных кампаниях. Об этом свидетельствуют многочисленные факты из его жизни: согласие Большого Билла на выдвижение своей кандидатуры на пост губернатора штата Колорадо в 1906 г., его активное участие в президентских кампаниях 1904 и 1908 гг. в поддержку Дебса, усилия по выдвижению кандидатуры социалиста Гарримана в мэры Лос-Анджелеса в 1911 г. Известны и призывы Хейвуда «использовать голосование в любом случае»⁵⁶.

Хейвуд придерживался как бы «средней» позиции, находясь между теми социалистами, которые признавали политическую деятельность рабочего класса без всяких ого-

⁵⁴ Цит. по: J. Conlin. Op. cit., p. 135.

⁵⁵ Цит. по: Ф. Ф о н е р. Указ. соч., т. IV, стр. 324.

⁵⁶ J. W e i n s t e i n. The Decline of Socialism in America 1912—1925. New York — London, 1967, p. 13.

ворок, и анархо-синдикалистами, которые полностью отрицали эту деятельность. «Как вы относитесь к политическим действиям?» — спросили как-то Хейвуда. Он ответил так: «Как социалист я верю в политические действия. Как профсоюзный деятель я верю в политические и «прямые действия»⁵⁷.

Как и следовало ожидать, главной мишенью оппортунистов оказался Хейвуд. Они поставили вопрос о выводе его из состава Национального исполкома Социалистической партии. Это стало возможным после того, как съезд партии в мае 1912 г. принял поправку к статье второй шестого пункта устава. В окончательном варианте поправка выглядела так: «Всякий член партии, являющийся противником политических действий и сторонником правонарушений, саботажа и других насильственных методов в качестве средств борьбы рабочего класса за свое освобождение, подлежит исключению из партии»⁵⁸. Хейвуда сразу же обвинили в нарушении устава партии.

Правоцентристский блок добился своего — Хейвуд был исключен из Исполкома Социалистической партии. «Решение об исключении Хейвуда, — писал Фостер в английском журнале «Sindicalist» (март — апрель 1913 г.), — было специально направлено к тому, чтобы расколоть партию и заставить выйти из нее радикалов».

После исключения Большого Билла из Исполкома число членов Социалистической партии резко сократилось. В 1912 г. (еще до съезда) в партии насчитывалось 150 тыс. членов. К июню 1913 г. число ее членов уменьшилось в два раза.

В 1914 г. Хейвуд избирается Генеральным секретарем ИРМ.

БОЛЬШОЙ ПРОЦЕСС

После того как в 1914 г. в Европе разразилась война, США в течение двух с лишним лет были только заинтересованным наблюдателем европейской бойни. Американские капиталисты наживались за счет жертв воюющих народов, поставляя военные материалы, вооружение, продовольственные и другие припасы как одной, так и другой стороне. Когда 6 апреля 1917 г. США вступили в войну, страну захлестнула военная истерия. Правящие круги обрушили репрессии на тех, у кого не было «разбужено чувство патриотизма». Вездесущие банды «бдительных» из лавочников, приказчиков, чиновников — эти не раз проверенные правоверные «патриоты» вынюхивали любое проявление «недоляльности». Принятый конгрессом «закон о шпионаже» прежде всего ударил по противникам войны. В стране пышным цветом расцвела шпиономания.

Несмотря на все слабости анархо-синдикализма, ограничивавшего деятельность ИРМ, члены этой организации представляли большую угрозу для властей и предпринимателей. Они стали главным объектом репрессий, первыми жертвами законов о «преступном синдикализме», принятых еще до вступления США в войну. В тот период Индустриальные рабочие мира составляли наиболее революционную часть американских рабочих. В ряде штатов, главным образом на Западе, где была особенно эффективна деятельность ирмовцев, ширилось антивоенное движение.

Против должностных лиц и членов ИРМ был составлен обвинительный акт, который послужил поводом к облаве, предпринятой 28 сентября 1917 г. В различных частях страны тысячи людей были брошены за решетку. Три основные группы заключенных находились в Сакраменто (штат Калифорния), в Вичите (штат Канзас) и в Чикаго.

Вместе со многими ирмовцами Хейвуд был арестован в Чикаго и препровожден в тюрьму округа Кук, в ту самую, в которой дожидались своей участи 18 месяцев «чикагские мученики»*. Здесь в ожидании суда содержались более 100 членов ИРМ. В тюрьме Хейвуда застала весть о Великой Октябрьской социалистической революции в России. Индустриальные рабочие мира еще задолго до этого с нетерпением ожидали развития революционных событий в России.

В начале марта 1917 г. в Америку пришла весть о буржуазно-демократической революции в России. «Казалось, что все как один радуются ниспровержению жестокого

⁵⁷ W. H a y w o o d. Solidarity in Prison.—«International Socialist Review», June 1910, p. 1065.

⁵⁸ «Socialist Party. Proceedings of the National Convention, 1912». Indianapolis, 1912, p. 122.

* См. публикацию: «Автобиографии «чикагских мучеников».—«Новая и новейшая история», 1970, № 3.

монарха — русского царя. Все как один радуются тому, что он и его семья отныне будут преданы забвению», — писал Хейвуд. Но классовое чутье не обманывало Большого Билла — он понимал, что крушение царизма еще не означает освобождения пролетариата, и ждал новых вестей из России.

В мае 1917 г. Хейвуд выступил перед русскими рабочими-эмигрантами. Эта яркая речь была полна предчувствия грядущих перемен в России. (Следует учитывать, что он делал выводы на основании весьма противоречивых и далеко не полных сведений, поступавших в США.) Хейвуд сказал:

«Товарищи рабочие! Теперь время не для ликований, а для напряженной работы. Это еще не та революция, во имя которой русский рабочий класс принес столь ужасающие жертвы и боролся десятки лет. Наша революция наступит тогда, когда у буржуазии отнимут власть, когда рабочие возьмут в свои руки промышленность, а крестьяне — землю. В России борьба не кончилась, она только начинается. Я несколько не сомневаюсь, что победа близка...» Кто-то из рабочих задал Хейвуду вопрос: «Какую партию мы должны поддерживать, когда вернемся в Россию?» Имея весьма смутное представление о большевиках, партиях и вообще о политической обстановке в России, Большой Билл тем не менее дал исключительно точный ответ: «Мой совет, товарищи рабочие: боритесь на стороне той партии, которая стоит, во-первых, за власть Советов рабочих и солдатских депутатов, во-вторых, за сепаратный мир с Германией и, в-третьих, за отказ от признания царских долгов»⁵⁹.

И вот большевики одержали победу. Хейвуд, как и все члены ИРМ, встретил это известие с восторгом. После этой новости, писал Хейвуд, «настроение резко переменялось»⁶⁰. «Это то, о чем мы мечтали», — писал несколько позже о Великой Октябрьской социалистической революции Хейвуд своему близкому другу Ральфу Чаплину⁶¹.

После Великой Октябрьской социалистической революции Хейвуд пересмотрел многое из того, о чем он говорил ранее. «В освещении большевистской революции, — говорил он в 1926 г., будучи уже в Москве, — многие наши прежние взгляды теперь выглядят наивными»⁶². После установления диктатуры пролетариата в России Хейвуд на наглядном примере понял, что авангард рабочего класса должен быть организован в дисциплинированную партию, которая, выработав свою программу, поведет трудящихся к социалистической революции путем вооруженного восстания. О влиянии Октябрьской революции Хейвуд намеревался написать в специальной главе своей автобиографии, но смерть помешала осуществлению его замыслов.

1 апреля 1918 г. в здании Чикагского федерального суда начался процесс по делу Индустриальных рабочих мира. Кроме Уильяма Хейвуда, суду были преданы такие видные деятели ИРМ, как Ральф Чаплин, Джордж Гаррисон, Сэм Скарлет, Георг Андрейчин, Гровер Перри, Джордж Харди, Джим Томпсон. Всего перед судом предстали 101 человек. В чем только не обвиняли их: в предательстве родины, получении денег из Германии, в пропаганде насилия и жестокости, распространении «философии разрушения» «немца» Карла Маркса и т. п.! Большому Биллу ставили в вину антивоенную деятельность, а также то, что он, будучи главой ИРМ, «пытался организовать правительство в правительстве». Главный обвинитель Небекер назвал его «злым гением, возглавлявшим кампанию по закрытию американских шахт, фабрик и военных заводов»⁶³.

«Это процесс необычный, — начал свою речь адвокат из Сизтла, возглавлявший на процессе защиту, Джордж Вандервир. — Считается, что по этому делу обвиняются У. Д. Хейвуд и многие другие, о ком вы раньше никогда не слышали. Они обвиняются в «заговоре». Обвинение утверждает, что подсудимые были участниками заговора, ставившего целью нарушение определенных законов Соединенных Штатов, и за это приписываемое им преступление они должны быть приговорены к тюремному заключению. Фактически же цель обвинения состоит в том, чтобы уничтожить организацию, с которой связаны эти люди, и разрушить идеал, за который борется их организация.

Вам говорят, что этот процесс имеет очень большое значение для страны. Но он затрагивает нечто большее, чем страну, — он затрагивает социальный строй»⁶⁴. Речь

⁵⁹ Цит. по: Г. А н д р е й ч и н. Указ. соч., стр. 27.

⁶⁰ «Книга Билла Хейвуда», стр. 303.

⁶¹ R. C h a p l i n. Wobbly. Chicago, 1948, p. 282.

⁶² Г. А н д р е й ч и н. Указ. соч., стр. 31.

⁶³ P. R e n s h a w. The Wobblies. New York, 1967, p. 225.

⁶⁴ Дж. Х а р д и. Те бурные годы. М., 1957, стр. 111.

главного защитника задавала тон выступлениям обвиняемых, которые превратились в подлинных обвинителей существующей системы. На суде во всей своей остроте раскрывалась драма современной Америки.

По мнению многих присутствовавших, высшей точкой процесса явились показания и перекрестный допрос Хейвуда, продолжавшиеся четыре дня. Его вызвали одним из последних — 9 августа. Когда стало известно о дне дачи показаний «главного заговорщика», публика заполнила зал суда до отказа. Друзья и враги подсудимых разместились на отведенных для публики обширных галереях. Среди присутствовавших находились ветеран американского рабочего движения «матушка» Джонс (ей было уже далеко за восемьдесят), Дебс, которому вскоре предстояло так же, как и Хейвуду, сесть на скамью подсудимых за антивоенную пропаганду, и многие другие видные деятели рабочего и социалистического движения США.

Хейвуд предстал перед судом не воинственным, громогласным агитатором; он давал показания спокойно, не повышая голоса, который подчас звучал даже тихо в просторном зале суда. «Кроткий Билл Хейвуд», — так назвал его журнал «Nation» после выступления на процессе. Хейвуд рассказывал о своей жизни, борьбе Западной федерации горняков, организации и принципах Индустриальных рабочих мира. «Я говорил о контрасте между нищетой и роскошью, уживающимися бок о бок в самой богатой стране в мире, о жалком существовании тех, кто добывает богатства в рудниках Запада, на заводах Севера, в скипидарных поселках Юга, на текстильных фабриках Востока», — вепоминал Большой Билл о своем выступлении на процессе в Чикаго⁶⁵.

Мало кому доводилось присутствовать на таких выступлениях. Присяжные наклонились вперед, чтобы лучше слышать его слова. И даже судья забыл о времени, и ему пришлось напомнить о том, что заседание пора закрывать. Речь Хейвуда на процессе 1918 г. была лебединой песней Индустриальных рабочих мира.

Приговор был предрешен, и никто не сомневался в том, что он будет суровым. Присяжным не потребовалось и часа, чтобы его вынести. Он гласил: «Виновны по предъявленному обвинению». Осужденных вызывали по группам для оглашения решения суда. Хейвуду и другим, осужденным на 20 лет, приговор был объявлен в последнюю очередь. К 20 годам были приговорены еще 15 человек. Остальные — к 10, 5 или 1 году.

Полицейские фургоны, или, как их называли, «черные Марины», вновь доставили осужденных в тюрьму округа Кук, и в знакомых грязных мрачных камерах медленно потянулись тюремные будни. Через некоторое время заключенных перевели в тюрьму Левенуорт, штат Канзас. Здесь их били, заковывали в цепи, приковывали руки к верхней перекладине дверей камеры, заставляли спать на бетонном полу. «Черные дыры», т. е. камеры, обычно служившие карцером, не могли вместить всех.

Большинство заключенных дробили во дворе тюрьмы камень, либо строили Канзасскую железную дорогу. Хейвуда, однако, скоро освободили от этого изнурительного труда. У него резко ухудшилось здоровье: он страдал диабетом, быстро терял зрение. Осужденные ирмовцы держались дружно, были хорошо организованы, и это поддерживало их в тяжелых тюремных условиях.

Тем временем главный комитет защиты собирал деньги для внесения залога. По всей стране ширилась кампания в защиту политических заключенных. Многие друзья Хейвуда прилагали все силы к тому, чтобы добиться его освобождения. В конце концов их усилия увенчались успехом. Большого Билла выпустили под залог впрямь до решения окружного суда о пересмотре дела. 28 июля 1919 г. Хейвуд покинул тюрьму Левенуорт — место своего последнего в жизни заключения.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В АМЕРИКЕ

1919 г., 1920 г., начало 1921 г. — это были последние годы жизни Хейвуда в Америке. Казалось, он чувствовал это и, несмотря на тяжелую болезнь, обрел второе дыхание. Он работал 10—12, а то и больше часов в сутки. Его друзья никогда не видели, чтобы он отдыхал. Даже в эти уже немолодые годы он был весь в движении. Ему нужно было лишь удобное кресло, в котором бы он мог передохнуть после напряженного дня. Большой Билл — опять в главном штабе ИРМ, и заглохнувшая была после ареста руководящая работа заметно оживляется.

⁶⁵ «Книга Билля Хейвуда», стр. 313.

Вскоре после создания в 1919 г. Коммунистической партии США Хейвуд вступил в ее ряды. Он сделал этот шаг без раздумий и колебаний, ибо был подготовлен к нему всей своей жизнью.

В эти годы Хейвуд энергично ведет борьбу за освобождение своих товарищей. Его избирают секретарем-казначеем Главного комитета защиты политзаключенных. В обстановке жестокого террора Хейвуд совершил поездку по ряду городов Соединенных Штатов (Нью-Йорк, Филадельфия и др.), где участвовал в митингах защиты и сборах средств в помощь осужденных. В первый же месяц после выхода из тюрьмы было собрано более 9 тыс. долл.

Тем же целям служил и налаженный Хейвудом выпуск специальных листов. Особой популярностью пользовалось воззвание «История Индустриальных рабочих мира написана кровью». Оно было прекрасно выполнено как по содержанию, так и по форме. В воззвании гневно и страстно обличались преступления реакции против ИРМ, рассказывалось об арестах и убийствах членов этой организации. Первые строки обличительного документа были напечатаны красной краской, на первой и четвертой страницах выделялись ярко нарисованные капли крови.

Воззвание произвело огромное впечатление внутри страны и за ее пределами. Оно было перепечатано во многих странах, в том числе и в Советской России. В ответ на воззвание было получено множество писем солидарности. Вместе с письмами в фонд защиты шли и деньги. За два-три месяца в него для внесения залогов поступило около 1 млн. долл.

Апелляционный суд США отклонил ходатайство о пересмотре дела руководителей ИРМ. Оставалась еще небольшая надежда на Верховный суд США. Член конгресса от штата Нью-Йорк социалист Мейер Лондон обратился к президенту У. Гардингу с запросом по чикагскому делу. Президент ответил, что члены ИРМ будут помилованы, за исключением одного Хейвуда. 20-летнее заключение продолжало висеть над ним дамокловым мечом. На амнистию он не мог питать даже отдаленной надежды.

Когда в начале 1921 г. друзья подали Большому Биллу идею уехать в Советскую Россию, он спокойно отвечал: «Дайте мне время подумать. Лично я ничего против отъезда не имею»⁶⁶. Он советовался с многими друзьями, прежде чем через несколько дней дать согласие на выезд из страны. Хейвуд знал, что навсегда прощается с родиной, с друзьями.

Последнюю ночь в Америке Хейвуд провел на конспиративной квартире в знакомой латышской семье. Друзья достали ему все необходимые для отъезда документы. Большой Билл уезжал в Советскую Россию, имея мандат на I съезд Красного Интернационала профсоюзов. Вместе с ним в Москву направлялись У. Фостер, Э. Р. Блур и еще несколько американских товарищей.

Медленно от пристани отплывает пароход «Оскар II»; позади остается знакомый силуэт статуи Свободы, вот уже где-то в тумане скрывается становящаяся далекой Америка.

Март 1921 г. выдался холодным. Американцы, пересевшие в Риге на поезд, зябко поеживаются — в вагонах прохладно. Три дня и две ночи поезд тянется по территории буржуазной Латвии — в обычное время это же расстояние можно покрыть всего за несколько часов. Поезд пересекает границу, пассажиры припадают к окнам — перед ними первая в мире страна социализма.

В СТРАНЕ СОВЕТОВ

В Советский России Большого Билла встречали как героя, как прославленного лидера американских рабочих. Горячо, искренне, радостно приветствуют его делегаты III конгресса Коминтерна, на котором Хейвуд выступил с яркой речью о последних событиях в Соединенных Штатах. Через несколько дней его принял В. И. Ленин⁶⁷. Хейвуд имел еще несколько встреч с великим вождем международного рабочего класса, и они остались у него в памяти до конца жизни...

⁶⁶ «Книга Билля Хейвуда», стр. 342.

⁶⁷ См. «Книга Билля Хейвуда», стр. 343.

Здесь, в Москве, Большой Билл узнал, что он тяжело болен. Тюрьмы, раны, побои, голодовки, бессонные ночи — все это в конечном счете подорвало его некогда железное здоровье. На какое-то время Хейвуд попадает в незнакомую для себя больничную обстановку, затем его лечат в санатории... Он не привык лечиться, не умел долго отдыхать — его неукротимая энергия требовала действий. И, едва дождавшись выхода из санатория, Хейвуд находит дело по себе.

Его захватывает идея создания «Автономной индустриальной колонии Кузбасс». Эта колония с согласия Советского правительства создавалась американскими рабочими-эмигрантами (в основном ирмовцами), желавшими помочь восстановлению и развитию народного хозяйства Советской страны. В 1922 г. Хейвуд провел несколько месяцев в Кузнецке. До конца 1923 г. он работает в правлении «АИК Кузбасс».

Не теряя связи с Кузбассом, Хейвуд начал активно работать в Международной организации помощи борцам революции (МОПР), а также в Межрабпоме. Эти организации вносили значительный вклад в борьбу Коминтерна за единый рабочий фронт, содействовали укреплению принципов пролетарского интернационализма.

Один из американцев, находившихся в то время в Москве, вспоминал, что Хейвуд «в деталях был осведомлен о преследованиях в Америке» и «стремился сделать все от себя зависящее для освобождения томящихся в тюрьмах по всей стране людей»⁶⁸. Находясь в Советской России, Большой Билл содействовал освобождению из заключения 106 американских рабочих.

Хейвуд жил «в ожидании революции в Америке» и с жадностью следил за всеми подробностями развития рабочего движения на родине. Он много писал для печати. Советские газеты и журналы постоянно обращались к нему за разъяснениями по поводу тех или иных событий, происходивших в Соединенных Штатах. Комната Хейвуда в гостинице Коминтерна «Люкс» на Тверской (сейчас гостиница «Центральная» на улице Горького) стала центром, где собирались американские рабочие, приезжавшие в Москву. Он научился говорить по-русски и, хотя не владел языком свободно, мог объясняться на нем со своими советскими друзьями. В последние годы жизни Большой Билл писал автобиографию и в целом успел завершить ее.

Хейвуд не любил засиживаться на одном месте. Он много ездил по Советской стране, исколесив ее вдоль и поперек. Его высокую грузноватую фигуру видели на заводах, фабриках, в шахтах, рабочих клубах. Здесь он рассказывал о мужественной борьбе американских рабочих, о ЗФГ, ИРМ, о Джо Хилле и Томе Муни.

17 марта 1928 г. Хейвуд должен был присутствовать на открытии III конгресса Красного Профинтерна. В тот же день ему предстояло выступить с речью, посвященной памяти Парижской коммуны. Но Хейвуд уже не смог сделать ни того, ни другого. В ночь на 16 марта Хейвуда разбил паралич, и его отвезли в больницу. И все же благодаря своей удивительной жизнеспособности и усилиям врачей Хейвуд через три недели вернулся домой. Он даже принял у себя делегатов конгресса Красного Профинтерна и долго беседовал с ними.

Но через месяц на Хейвуда обрушился новый приступ болезни. 18 мая 1928 г. в 10 часов 5 минут Большой Билл скончался от кровоизлияния в мозг. Тысячи людей провожали урну с прахом выдающегося американского революционера на Красную площадь. Ее захоронили у Кремлевской стены рядом с прахом Чарлза Рутенберга и могилой Джона Рида. Цветов не было — комиссия по организации похорон, выполняя последнюю волю Хейвуда, просила всех желающих почтить память Большого Билла, вместо венков вносить деньги в фонд помощи детской колонии им. В. И. Ленина. Урна с частью праха, согласно воле покойного, была доставлена в Чикаго на Уолдгеймское кладбище. Здесь она была захоронена в братской могиле жертв чикагских событий 1886 г., которые оказали глубокое влияние на всю его жизнь.

* * *

Для президента Рузвельта Хейвуд был «нежелательным гражданином, человеком, достойным болтаться на виселице»; Фрэнк Уэлш, председатель Комиссии по промышленным отношениям при президенте Вильсоне, ругал его; «разрушитель профсоюзов» —

⁶⁸ J. C a n n o n. The First Ten Years of American Communism: Report of a Participant. New York, 1962, p. 162—163.

только так и не иначе отзывался о Большом Билле идеолог американского реформизма Гомперс. Для явных и скрытых противников рабочего класса Большой Билл олицетворял все связанное с «анархией», «саботажем», «насилием». Пролетарскому революционеру не приходится ожидать от врагов иного отношения к себе.

Для друзей-единомышленников Большой Билл воплощал преданность делу рабочего класса, мужество и неумную энергию, самообладание и твердость духа. Разумеется, у Хейвуда были ошибки и заблуждения, и о них откровенно высказывались его друзья, предпочитая, как говорил еще мудрый Цицерон, лучше «заблуждаться с Платоном, чем быть правым с пифагорейцами». Один из участников американского рабочего движения писал о Хейвуде: «Он был одним из выдающихся деятелей нашего времени. Врожденный талант выдвинул его в лидеры такого масштаба. Он обладал внутренним и внешним магнетизмом, против которого никто не мог устоять»⁶⁹. Таким Хейвуд и остался для того поколения прогрессивной Америки, которое продолжает его дело в новых исторических условиях.

«Истоки и традиции американского коммунизма уходят своими корнями в ранние годы страны,— говорится в Новой программе Коммунистической партии США.— В начале XIX столетия имелись утопические коммунистические колонии. Затем были коммунистические клубы, основанные на нашей земле до Гражданской войны под влиянием марксистских идей. Коммунисты, такие, как полковник Иосиф Вейдемейер, с отличием служили в юнионистской армии. Мы также сторонники аболиционистских традиций в продолжающейся целый век борьбе за свободу черных. Наши боевые прямые предшественники могут быть найдены среди доблестных «рыцарей труда», в Социалистической партии Дебса, в организации Индустриальные рабочие мира во главе с таким героическим лидером, как Большой Билл Хейвуд, среди боевых элементов Американской федерации труда. Наши традиции длительные и богатые... и если наше родство всемирно, то наши корни — американские»⁷⁰.

В историю рабочего движения США Уильям Хейвуд вошел живой легендой. Этому способствовала его биография, полная отважных подвигов и бесстрашных поступков во имя пролетарского дела. В памяти американских рабочих он остался Большим Биллом — «парнем из шахты», таким же тружеником, как и они, выдвинувшимся в лидеры масс. Руководитель американских рабочих, человек большего мужества, кристальной чистоты, он продолжил и развил славные революционные традиции рабочего класса США.

⁶⁹ М. Д у б о ф с к у. *Op. cit.*, p. 177.

⁷⁰ «New Program of the Communist Party USA». New York, 1970, p. 116.